

Общество Иисуса и инквизиция. Какое участие принимали иезуиты в деятельности инквизиции?

Несколько лет тому назад, в беседе с одним весьма умным и образованным человеком, я сообщил ему о выходе русского перевода «Автобиографии» св. Игнатия Лойолы. «Аааа, этого... инквизитора...», -- поморщился собеседник.

С тех пор, мне приходилось неоднократно задумываться о причинах отождествления иезуитов с инквизицией. Ведь это, кажется, сугубо русское явление! В самом деле: «широкая публика» в Западной Европе, судившая об иезуитах, прежде всего, по «Письмам к провинциалу» Паскаля, по полемическим сочинениям против Ордена и по работам французских историков Мишле и Кине, могла обвинять членов Общества Иисуса во всех смертных грехах – *но только не в этом!*

Преступления инквизиции, безусловно, ужасают. Это, пожалуй, самая позорная страница в жизни Церкви. Историк испанской инквизиции в начале XIX века писал: «Без существования этого трибунала и влияния его принципов в Испании насчитывалось бы на двенадцать миллионов человек больше против теперешнего населения, которое исчисляют в одиннадцать миллионов» [ЛЬОРЕНТЕ, т. II, 448]. Неудивительно поэтому, что предъявляемое иезуитам обвинение в причастности к деятельности инквизиции выглядит столь тяжким.

Давайте, однако же, посмотрим на факты непредвзято. Случаи участия иезуитов в деятельности инквизиции, действительно, известны. Так, например, в 1550 г. иезуиты принимали участие в инквизиционных преследованиях в Мессине – но это поручение навязал им сам инквизитор. Они самым решительным образом отказывались и добились, по крайней мере, того, что их освободили от уголовных процессов [БЁМЕР, 174].

В целом же можно с полным правом говорить о нежелании самих иезуитов вступать в ряды инквизиторов. Тому было много причин, но одна из них, видимо, заключалась в том, что сами иезуиты не раз вызывали пристальный интерес инквизиторов и на себе испытали её преследования – в той или иной степени. Ниже речь пойдёт о некоторых членах Общества Иисуса (преимущественно испанских), подвергшихся преследованиям инквизиции.

1. Начать придётся с самого Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса. Ему пришлось столкнуться с инквизицией четырежды.

(а) Впервые это произошло в 1526 г. в Алькалэ, где Игнатий изучал «свободные искусства». Практика преподаваемых им Духовных упражнений (что Игнатий начал делать ещё раньше, в Барселоне) вызвала подозрения у инквизиторов. В Алькалэ состоялся судебный процесс, завершившийся оправдательным приговором.

(б) Однако этим дело не закончилось. В следующем 1527 г. в той же Алькалэ состоялись второй и третий судебные процессы, причём Игнатий провёл некоторое время в тюрьме. Завершилось это всё оправдательным приговором, после чего Игнатий покинул Испанию и ушёл (пешком) во Францию.

(в) В Париже в 1535 г. Игнатий вынужден был предоставить рукописный экземпляр раннего варианта «Духовных упражнений» на рассмотрение главного инквизитора, Валентина Льевэна. Ничего крамольного в Упражнениях найдено не было, и Игнатий со спокойной душой отправился к себе на родину.

(г) В Риме в 1538 г. губернатору Рима, Бенедетто Конверсино, поступил донос от испанца по имени Наварро. Доносчик показал, будто Игнатий был обвинён и изобличён во многих ересьях в Испании, Франции и Венеции, и даже приписал ему многие другие преступления. Однако трое назначенных по этому делу судей признали невиновность Игнатия и оправдали его. Доносчик был изгнан навсегда, а трое испанцев, поддерживавшие его показания, были присуждены взять свои слова обратно.

Льоренте подытоживает таким образом: «Святой <Игнатий> был невиновен, и это его спасло. Но он наверняка не избег бы инквизиции, если бы происшествие в Саламанке случилось в Вальядолиде; он, может быть, погиб бы там».

2. Диего де Лаинес (ум. в 1565 г.), второй Генеральный настоятель Общества Иисуса (1556 -- 1565 гг.). Инквизиция обвинила его в лютеранстве и в ереси иллюминатов. Однако Лаинесу, пребывавшему постоянно в Риме, удалось отклонить юрисдикцию инквизиторов Испании.

3. Св. Франсиско де Борджа, или Борха (Borja, 1572 гг.), герцог Гандийский, гранд Испании первого класса, кузен короля, третий Генеральный настоятель Общества Иисуса (1565 -- 1572 гг.). Его, как и двоих его предшественников, обвинили в пособничестве ереси иллюминатов и лютеранству. Ни личные заслуги, ни статус близкого родственника короля не спасли бы Борджа от вальядолидской тюрьмы, если бы он не отправился в Рим, как только узнал, что процесс начался, и что враги желают схватить его.

Он избег инквизиции, но со скорбью видел, что его трактат дважды попал в Индекс запрещённых книг: в 1559 и в 1583 гг.

Далее следуют «рядовые» члены Общества Иисуса.

1. Хиль Гонсалес (1532—1596 гг.). Его проступок состоял в том, что он начал переводить на латинский язык один катехизис, напечатанный на кастильском наречии. По приказанию Генерального настоятеля Общества Иисуса Гонсалес передал напечатанный по-испански экземпляр, исправления автора и часть перевода, им исполненную. Благодаря этому он избег преследований.

2. Хосе Франсиско де Исла (1703—1781 гг.) был автором на шумевшего сатирического романа «История знаменитого проповедника брата Герундия де Кампасаса». Острие сатиры Ислы было направлено против глупых и неумелых проповедников. Монахи усмотрели в брате Герундии самих себя и объединились против этого произведения. Инквизиция получила бесчисленное множество доносов на это произведение. Два тома были запрещены. Однако типограф задумал их перепечатать и прибавил к ним третий том. Инквизиция вызвала Ислу и сделала ему выговор, которым дело, к счастью, и ограничилось.

3. Хуан де Мариана (Mariana, 1536--1624), историк, теолог. В трактате «О короле и институте королевской власти» (1599 г.) выдвигал идею монархии, права которой были бы ограничены собранием представителей сословий; критиковал абсолютизм как «тираническое извращение» монархической власти. Этот трактат был сожжён в Париже рукой палача. В трактате «О недугах Общества Иисуса» (опубликован посмертно в 1625 г.) Мариана подверг критике некоторые пороки Ордена иезуитов. Мысли Марианы, высказанные им в различных сочинениях, были сочтены неблагонадёжными. Его труд «О перемене монеты» был запрещён, а на автора наложили епитимью и долгое время держали в заключении в его коллегии.

4. Пруденте де Монтемайор (Montemayor, ум. 1641 г.), автор нескольких трудов, заподозренных в пелагианской ереси. Инквизиция не стала преследовать его лично, но запретила читать его выводы, опубликованные в 1600 г. Монтемайор пытался впоследствии вступить за честь свою и своего Ордена в сочинении «Ответ на пять клевет, изобретённых против Общества Иисуса».

5. Херонимо де Рипальда (Ripalda, ум. в 1618 г.), в XVI-XVII веках был одним из учёнейших богословов своего Ордена, автором трактата «О христианском учении». Был заключён в секретную тюрьму как иллюминат и квиетист, затронутый ересью Молиноса. Он признался в некоторых фактах,

приписанных ему, просил в них прощения, умолял своих судей о сострадании и был подвергнут епитимье в 1574 г. как сильно подозреваемый.

6. Хуан Баутиста Поза (Poza). Его сочинения рассматривались испанской и даже римской инквизициями с 1629 по 1636 г. Поза написал труды в защиту претензий своих братьев по Ордену. Его сочинения были осуждены декретом римской инквизиции в 1632 г.

Папа Урбан VIII лишил Позу звания профессора и потребовал, чтобы он был отправлен в иезуитский монастырь городка Кастилии с запрещением проповедовать, учить и писать. Хотя иезуиты, произнося свой четвёртый обет, обещают повиноваться Папе безоговорочно, они, однако, отказались повиноваться Урбану VIII.

7. Джованни Никколо де Диана (Diana). Инквизиция Сардинии привлекла его к суду за проповедь, в которой усмотрела несколько еретических тезисов. Иезуит отправился в Испанию, предстал перед главным инквизитором и добился отмены вынесенного ему приговора.

Выше речь шла лишь об испанских иезуитах, которые, как мы видим, в большинстве своем избежали суровых наказаний. Однако в других странах бывали случаи куда более трагические. Так, в Португалии по приказу премьер-министра маркиза де Помбаля, по обвинению в ереси был предан суду инквизиции о. Малагрида (Malagrida), пользовавшийся значительным влиянием в государстве иезуитов в Парагвае (см. об этом в разделе «Редукции»). В действительности «ересь» Малагриды заключалась в том, что он стоял на пути у Помбаля, решившего добиться упразднения Общества Иисуса в португальских владениях. Суд инквизиции признал Малагриду виновным и приговорил к сожжению, состоявшемуся 20 сентября 1761 г. [БЁМЕР, с. 428].

Самой настоящей жертвой инквизиции можно считать и Лоренцо Риччи, Генерала Общества Иисуса, умершего в папской тюрьме Кастель-Сант-Анджело в 1775 г. (см. ниже).

Эти и подобные им примеры позволяют утверждать, что иезуиты в ряды инквизиции не стремились. Подтверждают это два важных законодательных документа. В 1584 г. Папа Григорий XIII (1572—1585 гг.) по желанию самого Игнатия Лойолы объявил, что Общество Иисуса не будет принимать участия в деятельности инквизиции. Несколько позже, в 1593 г. власти Ордена запретили иезуитам участвовать в деятельности инквизиции – под страхом отлучения от Церкви.

Правда, известны немногочисленные случаи нарушения этого правила. О главном из них и пойдёт здесь речь.

Классическая страна инквизиции – Испания. Имена и деяния испанских главных (великих) инквизиторов надёжно документированы. (Реальная картина несколько сложнее, потому что наряду с ними время от времени назначались особые инквизиторы в Арагон, Португалию и т. п.). Мы вполне в состоянии проследить деяния этих людей, получить представления об их личных качествах и т. п. Этот материал весьма подробно изложен в труде Хуана-Антонио Льоренте «Критическая история испанской инквизиции» - а этого автора трудно упрекнуть в чрезмерных симпатиях к иезуитам. Именно поэтому его сведения и выводы можно считать вполне объективными; кроме того, он знал соответствующие документы из первых рук, поскольку сам служил одно время в суде инквизиции.

Согласно данным Льоренте, с 1483 по 1808 год в Испании было сорок пять главных инквизиторов. Первым из них был знаменитый Томас де Торквемада, доминиканец (на посту 1483-1499; жертвы: 105 304 человека – это рекорд в истории испанской инквизиции). 45-м и последним стал Франсиско Миер-и-Кампильо, епископ Альмерии (1808 год). В черед главных инквизиторов были доминиканцы, францисканцы и прелаты, не принадлежавшие к монашеским Орденам. Так вот, 24-м в этом списке идёт иезуит, австриец Иоганн Эберхард Нитхард, или Нитгард (Nithard, 1607-1681), бывший духовником королевы-матери, Марианны Австрийской. Известен его парадный портрет кисти Алонсо дель Арко (1674 г.)¹. Нитгард занимал свой пост в течение трёх лет (1666 – 1668 гг.). За это время жертвами инквизиции стали 768 человек.

Не собираясь приводить оправданий деятельности Нитгарда, укажем только, что он был не только главным инквизитором, но и первым министром, т. е. фактическим правителем Испании в эти годы, так что пост главного инквизитора достался ему, так сказать, «автоматически». Кроме того, не следует полагать, что все 768 жертв были сожжены: значительная часть потерпевших подверглась сожжению *in effigie* (т. е. были сожжены их чучела), а также конфискации имущества, изгнанию и другим наказаниям. Сколько именно было казнено – неизвестно; во всяком случае, Льоренте таких данных не приводит.

Но конечно: что было, то было. Этого не исправишь. Однако на роль Великого Инквизитора, воплощающего мировое зло, Нитгард явно не тянет. Во всяком случае, до Торквемады ему очень и очень далеко. Если уж и попытаться увидеть в фигуре Великого инквизитора из романа Достоевского какое-либо реальное лицо, так это будет скорее знаменитый Торквемада, чем мало кому известный Нитгард. Впрочем, дальше мы попытаемся показать, что

¹ См., напр.: http://family-history.ru/pic/biograph/Carl_II/Juan_Everardo_Nithard.jpg.

поиски прямых исторических соответствий в данном случае совершенно неуместны.

Итак, мы видели, что масштабы участия членов Общества Иисуса в деятельности инквизиции были незначительны. Так откуда же в сознании наших соотечественников возникла эта странная ассоциация: иезуит = инквизитор? Причём, образ весьма стойкий, ибо даже люди образованные и учёные считали и продолжают считать его верным! Вот, например, Р. М. Кабо (1886-1957 гг.), педагог и учёный, автор статьи «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», напрямую называет Великого инквизитора «иезуитом» и говорит о «господстве иезуитов»².

Ответ, видимо, весьма прост: благодаря Фёдору Михайловичу Достоевскому. Как известно, он не принимал «Запад» в целом, видя в нём «царство антихриста»; сущность же «Запада» выражала, по его мнению, католическая Церковь, а квинтэссенцией католичества были для него иезуиты.

Надо сказать, что в этих взглядах нет ровно ничего оригинального. Достоевский ещё раньше вложил в уста князя Мышкина гневное обличение иезуитов и католичества в целом. Но «Братья Карамазовы» -- это роман, который читали, видимо, все грамотные русскоязычные люди. Да и художественная и философская сила «Легенды» такова, что поэма Ивана прочно оседает в памяти. А поскольку учителя литературы в школе практически ничего не знали об истории Общества Иисуса, они принимали поэму за чистую монету и именно так преподавали школьникам.

Но давайте вкратце рассмотрим тему «иезуитов» в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» (часть вторая, книга пятая, глава V).

Сам Иван определяет жанровую природу своей поэмы, сопоставляя её с апокрифическими представлениями «из Ветхого завета» и особенно с русским апокрифом «Хождение Богородицы по мукам». «Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде», -- говорит он, -- «если б явилась в то время» [ДОСТОЕВСКИЙ, 278]. Иными словами, Иван (да и сам Достоевский, как мы увидим ниже) ничуть не притязает на «историчность» своей поэмы.

Тождество «иезуиты = инквизиторы» вводится автором исподволь. Вот как он начинает: «при многочисленном населении всей Севильи была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков *ad majorem gloriam Dei*» [ДОСТОЕВСКИЙ, 280]. И чуть выше: «в самое страшное время инквизиции, когда *во славу Божию* в стране ежедневно горели костры»

² Сетевой ресурс: <http://www.aboriginals.narod.ru/RaphailKabo16.htm>.

[ДОСТОЕВСКИЙ, 279]. Собственно говоря, в тексте самой поэмы это единственный прямой намёк на то, что инквизицией заправляют иезуиты.

Косвенно такой намёк можно увидеть в описании внешности Великого Инквизитора: «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых ещё светится, как огненная искорка, блеск» [ДОСТОЕВСКИЙ, 281]. Это описание явно строится на шаблонах франкоязычной антииезуитской литературы, где ряд отрицательных персонажей (иезуитов, разумеется) вполне подходят под этот вымышленный тип³.

Зато далее, в беседе Ивана с Алёшей, происходящей в трактире, вещи уже напрямую называются своими именами.

Иван: «В этом и есть самая основная черта римского католичества, по моему мнению: “всё, дескать, передано тобою папе и всё, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени”. В этом смысле они не только говорят, но и пишут, иезуиты, по крайней мере. Это я сам читал у их богословов»⁴ [ДОСТОЕВСКИЙ, 282].

Алёша: «Но... это нелепость! <...> И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо её понимать? То ли понятие в православии... Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, -- это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты! <...> Мы знаем иезуитов, про них говорят дурно, но то ли они, что у тебя? Совсем они не то, вовсе не то... Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства, с императором – римским первосвященником во главе... вот их идеал, но безо всяких тайн и возвышенной грусти... Они и в Бога не веруют, может быть» [ДОСТОЕВСКИЙ, 293].

Иван продолжает: «Я именно спрашиваю тебя, почему твои иезуиты и инквизиторы совокупились для одних только материальных благ?» [ДОСТОЕВСКИЙ, 294] И далее: «...довольно и одного такого, стоящего во главе, чтобы нашлась, наконец, настоящая руководящая идея всего римского дела со всеми его армиями и иезуитами, высшая идея этого дела. <...> Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует как согласие, как тайный союз,

³ Ср., напр., описание фанатика-иезуита Родена в романе Эжена Сю «Вечный жид»:

«Верхние веки его, дряблые и ниспадающие вниз, словно плёнка, наполовину затягивающая глаза змеи, почти полностью прикрывали его живые чёрные глазки; тонкие, совершенно бесцветные губы почти не выделялись на землистом худом лице с острым носом и острым же подбородком» [цит. по: ЛЕРУА, с. 239].

⁴ Как нередко бывает у Достоевского, здесь на небольшом отрезке текста *трижды* повторяется присловье «по крайней мере»; так обычно было, когда писатель спешил или волновался.

давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем, чтобы сделать их счастливыми» [ДОСТОЕВСКИЙ, 295].

Затем Иван иронически спрашивает: «Уж не думаешь ли ты, что я прямо поеду теперь туда, к иезуитам, чтобы стать в сонме людей, поправляющих Его подвиг?» [ДОСТОЕВСКИЙ, 296].

Как видим, и в поэме, и в беседе братьев напрямую формулируется теория иезуитского заговора, которая была столь популярна во Франции в XVII-XIX веках. Там и следует искать основные литературные источники «Легенды о Великом инквизиторе». И главным вдохновителем Достоевского был Эжен Сю со своим на шумевшим романом «Вечный жид»⁵. Достоевский восхищался книгами Сю, они были в его библиотеке.

Что же касается собственно испанской инквизиции, то с её деятельностью Достоевский был знаком, в частности, по книге: ПРЕСКОТТ В. История царствования Филиппа Второго короля испанского. Т. 1-2. Пер. с англ. СПб., 1858 (книга имелась в библиотеке писателя).

Впрочем, основная идея поэмы – о неудачном Втором Пришествии – восходит, возможно, к книге «Рассуждения и мысли о различных предметах мира и литературы» (1803–1805) немецкого писателя Фридриха Максимилиана фон Клингера (1752 -- 1831), долгие годы состоявшего на русской службе и женатого на внебрачной дочери князя Григория Орлова:

«Если бы Христос теперь пришёл и стал бы в Риме проповедовать свою религию в том чистом духе и смысле, как он проповедовал её когда-то, инквизиция быстро схватила бы его как еретика и заключила бы в Энгельсбург, если б только она не сделала чего-нибудь похуже, чтобы как можно скорее предупредить ужасное нечестие»⁶.

Упомянутый здесь Энгельсбург (Engelsburg) не имеет никакого отношения к Фридриху Энгельсу: это всего лишь немецкий перевод итальянского названия «Кастель Сант-Анджело» (Castel Sant'Angelo), «Замок святого Ангела». Изначально задуманный как мавзолей римских императоров на Тибре, завершённый в 139 г. при Антонине Пие, а в дальнейшем превращённый в мощную крепость, которая входила в общую систему фортификации Рима и потому неоднократно перестраивалась, «Замок святого Ангела» долгое время служил местом заседания Трибунала инквизиции, а также папской тюрьмой. Именно в Кастель Сант-Анджело умер заключённый

⁵ SUE EUGEN (1804-1857). *Le Juif errant*. Т. 1-10. P., 1844–1845.

⁶ KLINGER F.-M. *Betrachtungen und Gedanken über verschiedene Gegenstände der Welt und der Literatur*. Berlin, 1958, S. 384.

туда Лоренцо Риччи (1703 -- 1775), Генеральный настоятель Общества Иисуса с 1758 г.

Клингер, разумеется, не мог не знать о трагической судьбе Лоренцо Риччи, умершего не где-нибудь, а именно в застенках папской инквизиции. Генерал упразднённого Папой Общества Иисуса, скончавшийся в инквизиционной тюрьме – может ли что-нибудь сильнее противоречить уравнению «инквизиция = иезуиты»? И разве составителям комментариев к роману «Братья Карамазовы» не следовало бы задуматься о столь кричащем противоречии?

Но нет. Инерция восприятия пересиливает: Достоевский же гений. Значит, ему видней! А факты нас не занимают.

Известно, сколь огромную известность получила «Легенда» в России и за её пределами. Однако её значение заключается вовсе не в том, что перед нами некий антииезуитский памфлет. Ценность «Легенды» -- в её глубоком философском смысле, в тех «последних вопросах», которые ставит в ней Достоевский. Не зря «Легенда» стала предметом анализа знаменитых философов: «Опыт критического комментария» к поэме написал Василий Васильевич Розанов; Николай Александрович Бердяев был автором статьи «Великий Инквизитор». Антанас Мацейна (1908-1987 гг.), литовский писатель и философ, был автором трилогии «Cor Inquietum» («Смятенное сердце»), первой частью которой выступает сочинение «Великий Инквизитор». Характерно, что никто из них не принял всерьёз тождество «иезуиты = инквизиторы», да и не думал об этом вовсе. Философы прекрасно понимали, что иезуиты как таковые не имеют ровно никакого отношения к сути поэмы. По верному замечанию Розанова: «...лица перемешиваются перед нами, сквозя одно из-за другого, мы забываем говорящее лицо за Инквизитором, мы видим даже и не Инквизитора, перед нами стоит Злой Дух, с колеблющимся и туманным образом, и, как две тысячи лет назад, развивает свое искустельное слово, так кратко сказанное тогда» [РОЗАНОВ, 160].

Не только иезуиты, но и сама Испания не имеет ни малейшего отношения к «Легенде». Достоевского волнует не Испания, а Россия, так что при желании с бóльшими основаниями можно усмотреть в фигуре Великого Инквизитора кого-то другого – например, Константина Петровича Победоносцева. Но и это излишне! Важно, что Церковь, о которой болеет душой писатель – русская. Верно выразился автор книги «"Святая инквизиция"» в России до 1917 года»:

«Приходится недоумевать, почему Достоевского не отлучили от Церкви, как это сделали с Л. Толстым. Видимо, причина здесь в том, что Толстой критиковал православие напрямую, а Достоевский мысль свою завуалировал; но зато сказал то, что не посмел сказать и Толстой. Писатель переносит нас в XVI век, в католическую Севилью, но разговор Ивана и Алеши Карамазовых происходит в *русском* трактире, и спор ведут *русские* мальчики. <...> Братья Карамазовы ведут спор вовсе не о католицизме, а о русских болях, и это “исправление” подвига Христа мучило “русских мальчиков” применительно к родной земле. <...> Надо ли доказывать очевидное: Достоевский печалился не о католическом мире, а о своём, православном» [см.: БУЛГАКОВ].

Завершая эту тему, хотелось бы привести, возможно, самые глубокие и трезвые слова о «личности» Великого Инквизитора, принадлежащие Владимиру Владимировичу Бибахину (1939-2004), одно время преподававшему в ИФТИ св. Фомы [см. БИБАХИН]:

«Инквизитор – это он сам, Достоевский, как, например, рулетка была им самим в какой-то момент его биографии. Инквизитор был событием в том, что по неумению сказать лучше, мы называем жизнью Достоевского. И как инквизитор – не исторический персонаж, так же он и не католик, не социалист, не иезуит. Бесполезно спрашивать, в каких архивах Испании надо искать сведений об инквизиторе. Равным образом нет смысла считать его замаскированным православным. Действительность далека от всего этого».

В России не так уж много людей, изучающих историю Общества Иисуса – но, пожалуй, нет попросту ни одного, кто изучал бы *представления* об Обществе Иисуса, живущие в коллективном сознании наших соотечественников. А ведь это чрезвычайно интересная тема, способная многое нам прояснить не только про иезуитов, но и про самих себя. Именно об этом, о коллективных представлениях, которыми воспользовался, например, Достоевский, и нужно вести речь, рассуждая о мнимом тождестве «иезуиты = инквизиторы». Историческая правда тут совершенно неуместна, и прав был Иван, отнеся свою поэму к «народным апокрифам». Но власть коллективных представлений сильна, живы они и по сей день. И, как видим, ни ум, ни образование зачастую не способны выступить противоядием от предрассудков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЁМЕР Г. История Ордена иезуитов. Пер. с нем. Н. Попова. Смоленск, «Русич», 2002

БИБИХИН В. В. «Две легенды, одно видение: инквизитор и антихрист». // Искусство кино, 1994, № 4

БУЛГАКОВ А. Г. «Святая инквизиция» в России до 1917 года. М., 2001; сетевой ресурс: <http://istorijacerkvi.wordpress.com/критика/булгаков/>

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том девятый. Братья Карамазовы. Л., «Наука», 1991

ЛЕРУА М. Миф об иезуитах. От Беранже до Мишле. Пер. с франц. В. А. Мильчиной. М., 2001

ЛЬОРЕНТЕ Х.-А. Критическая история испанской инквизиции (1817 г.). Пер. с исп.

РОЗАНОВ В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. // РОЗАНОВ В. В. Несовместимые контрасты жития. М., «Искусство», 1990, сс. 37-224